

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 40–49
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 40–49
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-40-49>
EDN: WWWVRT

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Личностно обусловленный контент доброты в контексте межличностных интеракций

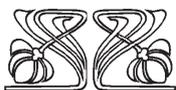
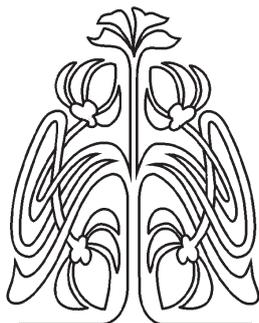
Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

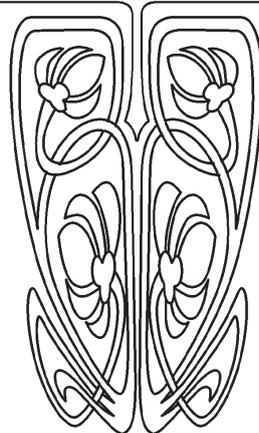
Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном техногенном мире доброта требует особого внимания, поскольку выступает тем даром, который способствует сохранению человеческого в человеке, противостоит обесцениванию и обезличиванию человеческой индивидуальности, объединяет людей на основе глубоких духовных ценностей, помогает им развиваться и самосовершенствоваться через расширение социальных связей и активизацию цепочек просоциальности. *Цель:* выявить личностную специфичность проявления доброты в межличностных отношениях в зависимости от ее доминирующего режима. *Гипотеза:* субъективный опыт переживания и проявления доброты в интерперсональном взаимодействии определяет ее контент и специфику вербальных референтов. *Участники:* студенты (N = 75) СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов) в возрасте от 20 до 22 лет (M = 21,48; SD = 1,12), 83% – девушки. *Методы (инструменты):* прототипическая методика для описания структуры социального представления о доброте (П. Вержес); семантический дифференциал для характеристики семантического пространства конструкта «добрый человек» (Ч. Осгуд); методика для определения доминирующего режима доброты (D. E. Youngs, M. A. Yaneva, D. V. Canter); тест для диагностики индекса самоактуализации (Э. Шостром, адаптация А. Jones, R. Crandall); опросник поведенческой активности для определения ее типа (Л. И. Вассерман и Н. В. Гуменюк). *Результаты:* выявлена структура социального представления о доброте, сконструировано семантическое пространство конструкта «добрый человек», выделены три группы, различающиеся по отношению к себе и Другому, режимам доброты, представлениям о доброте, поведенческому рисунку и специфике вербальных референтов. *Выводы.* Реконструирован инвариантный смысл понятий «добро» и «доброта» в разных языковых картинах; акцентировано внимание на интересубъектной (забота о Другом) и интрасубъектной (забота о себе) психологической ориентации доброты, связанной с ответственностью личности за настоящее и будущее свое и Другого; обнаружена тенденция к одностороннему пониманию доброты, сведение ее к помогающему поведению и отождествлению с должной заботой о Другом; установлено, что субъективный опыт переживания и проявления доброты в межличностном взаимодействии определяет тип режима доброты и специфику вербальных референтов. *Практическая значимость.* Результаты исследования могут использоваться в консультативной и тренинговой психологической практике.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, доброта, забота о Другом и о себе, режимы и виды доброты, вербальные репрезентанты

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Рягузова Е. В. Личностно обусловленный контент доброты в контексте межличностных интеракций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 40–49. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-40-49>, EDN: WWWVRT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Personality-driven kindness content in the context of interpersonal interactions

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. *The relevance* of the research is due to the fact that in the modern technogenic world, kindness requires special attention because of several reasons: first, kindness is a gift that contributes to the preservation of the humane in a human; second, it resists the devaluation and depersonalization of human individuality; third, it unites people on the basis of deep spiritual values; and finally, kindness helps people develop and improve themselves through the expansion of social ties and activation of prosocial behaviors. The *objective* of the research is to identify how kindness in interpersonal relationships is specific to a person depending on its dominant mode. *Hypothesis:* the subjective experience of receiving and showing kindness in interpersonal interactions determines its content and the specifics of verbal referents. *Participants:* students (N = 75) of Saratov State University (Saratov) aged between 20 and 22 years (M=21.48; SD=1.12), 83% female. *Methods (tools):* prototypical methodology for describing the structure of the social concept of kindness (P. Verges); semantic differential technique to characterize the semantic space of the construct “kind person” (Ch. Osgood); methodology of kindness modes to determine its dominant mode (D. E. Youngs, M. A. Yaneva & D. V. Canter); self-actualization test for the diagnosis of the self-actualization index (E. Shostrom adapted by A. Jones, R. Crandall); behavioral activity questionnaire to determine its type (L. I. Wasserman and N. V. Gumenyuk). *Results:* the research reveals the structure of the social concept of kindness, constructs the semantic space of the concept “kind person”, identifies the three groups that differ in relation to themselves and Others, in relation to the modes of kindness, ideas of kindness, behavioral patterns and the specifics of verbal referents. *Conclusions.* The research has worked out the invariant meaning of the concept of good and kindness in different languages; the study has emphasized intersubjective (caring for the Other) and intrasubjective (caring for oneself) psychological orientations of kindness, which are associated with the responsibility of the individual for the present and future of their own and of the Other’s; the research has identified the tendency to understand kindness one-sidedly reducing it to a helping behavior and identifying it with the proper care of the Other; the study has established that the subjective experience of receiving and showing kindness in interpersonal interactions determines the type of the kindness mode and the specifics of verbal referents.

Practical significance. The results of the study can be used in counseling and psychological training.

Keywords: interpersonal interaction, kindness, caring for Others and for oneself, modes and types of kindness, verbal referents

For citation: Ryaguzova E. V. Personality-driven kindness content in the context of interpersonal interactions. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 40–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-40-49>, EDN: WWWVRT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Информатизация, технологизация и цифровизация мира стремительно меняют все форматы жизни и деятельности современного человека включая сферу межличностных отношений, вызывают их упрощение, уплощение и схематизацию, опосредованно формируя запрос на изучение лучшего в человеческой природе – позитивных жизненных приоритетов, чувств, качеств, явлений. Активное развитие позитивной психологии, инициируемое М. Селигманом и М. Чиксентмихайи [1, 2], стимулирует рост научных исследований, связанных с рефлексией таких психологических феноменов, как оптимизм и надежда, благополучие и счастье, творчество и оптимальное переживание, доверие и милосердие, жизнестойкость и посттравматический рост.

Семантический и теоретический анализ конструкта «доброта»

Для начала обратимся к этимологии и семантике понятия «доброта» в разных языковых картинах, содержание которых отражает культурную специфичность менталитета социальных акторов.

В русском языке специалисты указывают на праславянское происхождение понятия «добро», отмечая такие его значения как «храбрый», «сильный», «крепкий», «плотный» [3], или на общеславянские истоки *dobrŭ* – «годный, подходящий» [4, с. 268].

Слова «доброта» и «добро» соотносимы друг с другом, но семантическая емкость концепта «добро» значимо шире и отражает единство двух лексических значений: добро выступает как абстрактная категория, обозна-

чающая всё положительное, хорошее, полезное, духовно красивое, противопоставляемое злу, и в то же время трактуется как конкретное, вещественное, подразумевающее имущество, вещи, пожитки [5, с. 145].

Как отмечает Е. С. Палеха, в русском языке в ретроспективном аспекте происходили семантическая трансформация и сдвиг значения понятия «добро» от конкретного к абстрактному. Однако в настоящее время такие этические категории, как милосердие, сострадание, добросердечие, относящиеся к абстрактному смыслу понятия «добро», либо уходят в пассивный словарный запас [6], свидетельствуя об изменении доминантных культурных ценностей общества [3], либо отождествляются с благотворительностью [7].

Существование разных качественных смыслов понятия «доброта» фиксируется и в английском языке. Обозначение проявления доброты к Другому происходит от латинского *generosus* (благородный, великодушный) [8], концепт добро (*good*) ассоциируется с пользой, тогда как термины *kind* и *kindness* имеют в большей степени этическое значение [6].

В немецком языке понятие *gutes* (добро) также полисемично и означает проявлять доброжелательное, терпимое отношение к Другому, производить хорошее впечатление, быть добросердечным, нравственно безупречным, порядочным и дружелюбным, но в то же время репрезентирует простодушие, доверчивость и незлобивость [9].

Во французском языке культурно-семантический эквивалент *bien* (добро) представлен такими денотатами, как благоприятное и полезное для достижения цели, богатство и собственность, моральная ценность, что свидетельствует об иной этической оценке бескорыстного действия в сравнении с русским аналогом, описывая в большей степени социально значимые проявления доброты [10].

Следовательно, семантика лексем «добро» и «доброта» в разных языках частично совпадает, позволяя выделить инвариантное смысловое ядро. В контексте данного исследования мы будем трактовать добро как универсальный аксиологический конструкт, отражающий духовный культурный код человечества и связанный с морально-этической наполненностью личности, а доброту рассматривать и как системное психологическое качество человека, проявляющееся при взаимодействии с разнообразными Другими, и как социальную норму по отношению к Другому, выступающую регулятором межличностных отношений.

В психологических концепциях доброты позиционируется как качество личности, которое формируется в процессе онтогенетического развития на основе рефлексии совокупности ее отношения к миру, Другому, себе и проявляется в особенностях поведения и общения. Доброта легко идентифицируется взаимодействующими субъектами, а ее отсутствие ими остро переживается [11]. Она не только точно распознается человеком, но и дифференцируется – например, сострадание и доброта как просоциальные понятия феноменологически различаются по направленности, компетенциям и структуре эмоций [12]. Доброта как системное личностное качество включает в себя чуткость и отзывчивость, милосердие и великодушие, справедливость, любовь и заботу, уважение и дружелюбие, позитивное мышление, гуманистическую установку и оптимистичное видение.

Согласимся с точкой зрения исследователей, считающих, что структурные компоненты доброты можно дифференцировать исходя из двух взаимосвязанных психологических ориентаций – это ориентация на Другого и искренняя забота о нем и ориентация на себя и забота о себе [13; 14, с. 47; 15, 16]. Ориентация личности на Другого обусловлена ее открытостью, эмпатией, состраданием, сочувствием, осознанием общности экзистенциального опыта и совместного сосуществования. Ориентация на себя детерминирована мотивами самопознания, саморазвития и самодетерминации личности, а ее забота о себе представляет собой предельное отношение к себе и своей жизни [17], личностный выбор желаемых Я и аутентичности [18], технологию производства субъективности [13]. При этом, солидаризируясь с Г. В. Иванченко, отметим, что забота о себе не тождественна любви и доверию к себе, самосовершенствованию и стремлению к счастью, не гарантирует эффективных результатов и самоуспокоенности, но приводит к актуализации чувства собственного достоинства через обретение внутренней силы и свободы, осознанности жизни и ответственности за нее [18].

Соотношение выделенных ориентаций и доминирование той или иной из них в конкретной ситуации межличностного взаимодействия позволяет А. Делурму выстроить условный континуум доброты [15]. На одном его полюсе находится гиперотзывчивость, проявляя которую, человек, по сути, навязывает свою помощь и поддержку Другому, нарушает психологические границы, подавляет и стирает собственную субъектность, поступает в ущерб

личным интересам, добровольно приносит себя в жертву и, осознавая именно такой свой статус, испытывает неуверенность, ущемленность, неудовлетворенность и незащищенность. На противоположном полюсе – расчетливая доброта, предполагающая встречное эквивалентное отношение Другого, т. е. личность, проявляя доброту, делает ставку и ожидает симметричного отношения конкретного Другого или генерализованных Других, активизируя цепочки просоциальности [19]. А. Делурм полагает, что при сбалансированности этих психологических ориентаций человек осознанно проявляет доброту, не ущемляет собственного сильного Я и ни к чему не обязывает Другого, конструируя при этом гармоничные доброжелательные межличностные отношения, признавая ценность, суверенность и автономность Другого [15].

Аналогичная идея артикулируется Т. Мальти в разработанной ею концепции доброты, включающей процессуальную модель ее онтогенетического развития. Автор также делает акцент на двух важных ориентациях, актуализация которых происходит через доброжелательные мысли, позитивные чувства, добрые поступки. Одна из психологических ориентаций направлена на других людей и связана с заботой о тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации, остро нуждается в помощи и поддержке, тогда как другая ориентация фокусируется на самой личности и обусловлена заботой о себе [16]. Т. Мальти обоснованно считает, что доброта связана со специфической эмпатической позицией личности, требующей от нее рефлексии как поведения и состояния Другого, так и собственных поведенческих и эмоциональных реакций, а также осмысления отношений между собой и Другими. Следовательно, быть добрым, по Т. Мальти, означает не только помогать себе и другим, но расти и преображаться за счет позитивных связей с Другими.

Д.-Т. Бинфет [20] также акцентирует внимание на интерперсональном и интраперсональном аспектах проявления доброты и ответственности личности за настоящее и будущее как свое, так и Другого. Он выделяет отзывчивую доброту как реакцию личности на фрустрированные потребности Другого, преднамеренную доброту, связанную с планированием и реализацией доброго поступка, и «тихую» доброту («доброту без аудитории»), которая оказывает влияние на самосознание, самоуправление, социальное познание, социальные навыки личности и принятие ею ответственных решений [21].

Интересную теорию доброты предлагают Д. Е. Янгс, М. А. Янева, Д. В. Кантер [22]. Они утверждают, что для понимания сущности доброты необходимо выявить психологический источник, инициирующий проявление доброты, в качестве которого могут выступать моральные принципы личности, присущие ей альтруистические ценности, эмпатические установки, специфический личностный профиль, а также оценить поведенческую форму проявления доброты (в терминологии авторов режимы доброты). Режимы доброты определяются в координатах просоциальности как готовности личности действовать исходя из собственных внутренних побуждений, осознанности и ответственности за свои поступки, ориентации на убеждения, ценности и нормативность, т. е. социальной предписанности и заданности поведения детерминированными культурными и социальными нормами и конвенциями (ритуалы вежливости, этикета, оказания помощи, гостеприимства).

Таким образом, теоретический анализ некоторых психологических концепций, акцентирующих исследовательское внимание на конструкте «доброта», указывает на ряд важных моментов.

Первый из них касается наличия взаимосвязанных ориентаций доброты – интерсубъектной и интрасубъектной. Интерсубъектная ориентация предполагает альтруистическую доброту и стратегическую доброту как тренды на заботу о благополучии и правах Других, заинтересованность в оказании им помощи и поддержки. Интрасубъектная направленность связана с заботой личности о себе как практикой выстраивания деятельного отношения к себе – субъекту собственной жизни, предполагает внимание к своим потребностям, ценностным приоритетам, субъективным этическим стандартам, всему тому, чем она руководствуется в жизни и что способствует ее развитию, совершенствованию и росту.

Второй момент имеет отношение к существованию различных психологических источников доброты – личностных (эмпатия и открытость, эмоциональный интеллект и сензитивность, альтруизм и человеколюбие) и социально-психологических (моральные принципы, ценности, установки, статус и репутация, социальная роль, статусная и ситуативная позиция).

Третий момент предполагает разнообразие поведенческих форм и режимов доброты, детерминированных культурой, полом, религией,

конкретными ситуациями взаимодействия и опосредованных соотношением выраженности просоциальности и нормативности.

Цель исследования, представленного в данной статье, заключается в выявлении личностной специфичности контента доброты в межличностных отношениях в зависимости от ее доминирующего режима.

Предположительно субъективный опыт переживания и проявления доброты в interpersonalном взаимодействии определяет ее контент и специфику вербальных референтов.

Материалы

Участники: студенты ($N = 75$) СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов) в возрасте 20–22 лет ($M = 21,48$; $SD = 1,12$), 83% женского пола и 17% – мужского.

Методики. Описание структуры социального представления о доброте осуществлено с помощью прототипической методики П. Вержеса [23], которая позволяет на основании таких критериев, как медиана частоты встречаемости ассоциации в выборке и ее средний ранг, включить полученный символический, имплицитный материал в разные структурные области представления (ядро, области потенциальных изменений, периферия).

Характеристика семантического пространства конструкта «добрый человек» получена с опорой на методику семантического дифференциала Ч. Осгуда [24], в которой на основе субъективного восприятия человеком свойств тех или иных понятий производится их шкалирование по факторам силы, активности и оценки.

Выявление ориентации личности на заботу о Другом или заботу о себе и их соотношения осуществлено посредством методики А. Делурма [15]. Методика состоит из четырех утверждений, на каждое из которых предложено по четыре фиксированных варианта ответа, позволяющих отнести респондентов к той или иной типологической категории: гипертзывчивый человек; человек, делающий добро из расчета; человек, не ущемляющий ни своих интересов, ни интересов Другого; человек, жертвующий собственными интересами, совершая добрый поступок.

Диагностика доминирующих источников доброты осуществлена с применением методики режимов доброты Д. Е. Янгс, М. А. Яневой, Д. В. Кантера [22]. Методика включает 20 утверждений, описывающих разные источники

проявления доброты и ее нормативную заданность и оцениваемых по шкале Ликерта, состоящей из 5 пунктов (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Она позволяет выявить 4 основных режима: социально-предписанная доброта; социально-предписанная проактивная доброта; аффективно-проактивная доброта; аффективно-социально-предписанная доброта.

Оценка показателя самоактуализации осуществлена с применением такой методики, как краткий индекс самоактуализации (А. Jones, R. Crandall), – адаптации самоактуализационного теста (САТ) Э. Шострома в [25]. Методика состоит из 15 вопросов, ответы на которые оцениваются по 5 пунктам шкалы Ликерта от «полностью не согласен» до «полностью согласен» и позволяют определить степень выраженности самоактуализации – высокую, среднюю или низкую.

Диагностика доминирующего поведенческого рисунка проведена с помощью тест-опросника поведенческой активности Л. И. Вассермана и Н. В. Гуменюка [26]. Структура опросника представлена 61 утверждением, описывающим уровень активности и стратегии поведения людей в разных напряженных ситуациях. Опросник позволяет выявить разные типы поведенческой активности – от выраженной активности до выраженной пассивности и неуверенности в себе.

Методы анализа данных. Для обработки первичных данных использовался пакет статистического анализа SPSS Statistics 23.0. Для определения различий в личностной специфичности смыслового содержания доброты в межличностных отношениях был проведен иерархический кластерный анализ, позволивший выделить три кластера, содержательные особенности которых устанавливались посредством H -критерия Краскела – Уоллиса. Применение именно этого критерия связано с тем, что по результатам одновыборочного критерия Колмогорова – Смирнова распределение данных отличается от нормального.

Результаты и их обсуждение

Прототипический анализ по методу П. Вержеса позволил проанализировать 362 ассоциации, 271 из которых вошла в ядро и периферию смысловой структуры представления о доброте. Структура социального представления о доброте приведена в таблице.

Структура социального представления о доброте (N = 75)
Table. Structure of Social Representation of Kindness (N = 75)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	менее 3	более или равно 3
более 5	ядро свет (91; 2,13), забота (122; 2,4), любовь (82; 2,9), луч (14; 2,4), помощь (45; 1,7), тепло (10; 2,9), поддержка (23; 2,9), улыбка (36; 2,8)	2-я область потенциальных изменений искренность (23; 3,2), честность (24; 3,67), благодушие (40; 3), внимательность (8; 4,1), благотворительность (6; 4), доверие (9; 3,1), отношение к людям (13; 3,4), бескорыстие (25; 3,4)
менее или равно 5	1-я область потенциальных изменений семья (2; 1,6), мама (2; 1,6), детство (3; 2,7), открытость (2; 2,1), понимание (2; 2,5), щедрость (2,5; 2,1), благо (2,8; 2,5), эмпатия (2,9; 2,8)	периферия слабость (3; 3,1), религия (2; 3,9), терпимость (3; 3,5), простота (2; 4,2), спокойствие (4; 3,3), позитив (3; 3,1), жизнь (4; 3,2), люди (2; 3,5)

Так называемое ядро ассоциаций о доброте – наиболее устойчивая их часть – репрезентировано ожидаемыми дескрипторами «забота», «любовь», «помощь», «поддержка», «улыбка», что свидетельствует о связи доброты с указанными чувствами, отношениями, мимическими проявлениями.

Интерес вызывает ассоциативный ряд, представленный такими словами, как свет, луч и тепло. На наш взгляд, полученный результат может трактоваться двояко, с одной стороны, как свет и тепло, воспринимаемое от человека, совершающего осознанно или неосознанно добрый поступок, а с другой – как «теплое внутреннее свечение» (*warmglow*) [27, 28], эйфорическое чувство, которое переживает сам человек, творящий добро. Это своеобразное эндогенное вознаграждение, которое, как показывают исследования, возникает не только в формате «здесь и сейчас» совершенного поступка, но даже при воспоминании о нем. Ценность внутреннего свечения зависит от доступности имеющейся у личности мотивационной альтернативы, главным образом эгоцентрического характера, соответственно, ослабление собственной эгоистичной мотивации в пользу помощи и поддержки Другого приводит к повышению внутреннего вознаграждения [29].

Область возможных изменений социального представления о доброте связана с фигурой или фигурами Другого – партнера по взаимодействию в том или ином контексте (*семья, мама, человек, бабушка, друг, детство*) – и включает в себя когнитивные свойства Другого (*понимание, внимательность*), его эмоционально-ценностные качества (*эмпатия, доверие, открытость, искренность*), этические характеристики (*щедрость, честность, благодушие, отношение к*

людям), поведенческие особенности (*бескорыстие, ласка, благотворительность*). Обратим внимание на то, что социальное представление о доброте фактически ограничивается интересующим контентом доброты, сужением ее смыслового пространства, отождествлением с помогающим и альтруистическим поведением и не включает интрасубъектного аспекта ее рефлексии.

Анализ периферии социального представления указывает на опасную тенденцию ассоциирования доброты со слабостью, терпимостью, кротостью, простотой, простодушием, а отсутствие в целом в смысловой структуре социального представления о доброте таких категорий, как сила, стойкость, гуманизм, справедливость, великодушие, усиливает этот тренд.

На эту же негативную тенденцию указывают результаты анализа семантического пространства конструкта «добрый человек». При практически максимальной положительной оценке конструкта по шкалам фактора «Оценка», по факторам «Сила» и «Активность» показатели существенно меньше ($p = 0,05$).

С нашей точки зрения, это свидетельствует о некотором упрощении смыслового содержания понятия «доброта» в межличностных отношениях, недооценке доброты в социальном контексте, его низкой конкурентоспособности в сравнении с такими качествами современного человека, как предприимчивость, решительность, настойчивость, упорство и его возможной дальнейшей девальвации.

Представители первого кластера ($n = 15$) характеризуются высоким уровнем самоактуализации, принятием себя и Других, направленностью на гармоничное со-бытие с ними, выстраиванием продуктивных отношений без

ущемления собственного Я и манипулирования Другими. Они стремятся к «позитивной свободе для...» (Э. Фромм), автономности и творческому отношению с миром, фокусируются на задаче. Их отличают вертикальный вектор развития и желание постоянно самосовершенствоваться, расширяя собственные границы и двигаясь в направлении личностного роста. Доминирующими режимами доброты для них выступают социально-предписанная доброта и проактивная доброта, детерминированные, главным образом, когнитивными процессами. Эти режимы доброты связаны не только с актуализацией усвоенных и присвоенных личностью социальных норм и наличием у нее морально-этических эталонов, но и внутренними побуждениями и интенциями, реализация которых предполагает выход за рамки требуемого поведения и социально предписанного режима поддержки. Личность, проявляя такой вид доброты, постоянно готова не только оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, не нарушая их прав и свобод, защищать слабых, бороться с несправедливостью, но и заботиться о себе. Основной ассоциативный ряд: *любовь, забота, внимательность, эмпатия, открытость, стабильная самооценка, человеколюбие, искренность, доверие, безопасность, поддержка.*

У респондентов, включенных во второй кластер ($n = 26$), выявлены средний уровень самоактуализации, равноправное, доброжелательное и уважительное отношение к Другому, ориентация на свои цели и интересы. Что касается режимов доброты, то ее источником у представителей этого кластера выступает аффективная сфера в сочетании с активными действиями, направленными на помощь и поддержку Другого, переживание сходных с ним эмоций и чувств, ситуативное отождествление себя с Другим. Проявляя такой режим доброты, личность эмоционально откликается на боль, страх и страдания Другого. При этом она способна не просто оценить ситуацию с позиции Другого, но и предложить различные варианты активной защиты, действенной поддержки и реальной помощи. Обратим внимание, что поведенческий тип этих респондентов (АБ) имеет сходный рисунок и характеризуется эмоциональной стабильностью, высоким адаптационным потенциалом и относительной устойчивостью к стрессогенным факторам, отсутствием явной склонности к доминированию, однако в определенных обстоятельствах они могут взять на себя лидерские функции. Основные ассоциации: *открытость, ми-*

лосердие, благодущие, помощь, поддержка, радость, детство, свет, позитив.

Участники исследования из третьего кластера ($n = 34$) отличаются средним уровнем самоактуализации, разнообразными поведенческими типами (А1, Б1, АБ) и сострадательной добротой, обусловленной эмоциональными процессами (сочувствием, сопереживанием), вплоть до гипертотзывчивости или гиперэмпатийности, проявление которой в крайнем варианте может способствовать ущемлению самостоятельности Другого и трансформации в обиду чрезмерного сочувствия к нему. Личность, демонстрируя избыточную готовность решать проблемы Другого и склонность жертвовать собственными интересами, рискует при этом нарушить личностные границы и выстроить созависимые отношения с Другими. Мотивация такого поведения может быть разной – от искреннего и бескорыстного желания помочь до защиты собственного Я и доказательства себе и Другим своей нужности и ценности. Но в любом случае такое поведение может восприниматься как навязывание помощи. Преобладающим режимом доброты является аффективно-социально-предписанная доброта, основными характеристиками которой выступают эмоциональный отклик на страдания Другого, искреннее желание помочь и поддержать, выразить сочувствие, сострадание и сожаление, позаботиться и утешить. Вербальные репрезентанты: *сочувствие, сострадание, эмпатия, поддержка, помощь, бескорыстие, мягкость, терпимость, религия.*

Выводы

Проведен семантический анализ лексем «добро» и «доброта» в разных языковых картинах, показаны их сходство и различие: добро позиционируется как универсальный ценностный конструкт, духовный код человечества, а доброта – как системное психологическое качество человека и социальная норма, регулирующая межличностные отношения.

Осуществлена теоретическая рефлексия психологических концепций доброты, позволившая акцентировать внимание на ее двух взаимосвязанных ориентациях – заботе о себе и заботе о Другом. Проявляя доброту, человек не только демонстрирует помогающее и альтруистическое поведение, но и расширяет собственные возможности, переориентирует личные приоритеты и выстраивает деятельностное и ответственное отношение к себе как актору и автору собственной жизни. Доброта

как ответственность личности за собственное будущее и будущее Другого способствует психическому здоровью личности и гармоничным межличностным отношениям.

В результате проведенного эмпирического исследования выявлена структура социального представления о доброте, ядро которой преимущественно отражает ее интерсубъектный аспект, что свидетельствует об упрощении смыслового поля доброты, отождествлении ее исключительно с помогающим поведением, когда доброта заменяется должной заботой о Другом. Периферическая область представлений о доброте, а также коннотативные значения конструкта «добрый человек» указывают на негативную тенденцию, связанную с ассоциированием доброты со слабостью, терпимостью, кроткостью, простотой, простодушием.

Установлено, что субъективный опыт переживания и проявления доброты в межличностном взаимодействии определяет тип режима доброты – поведенческого паттерна, детерминированного разными психологическими источниками – личностными, социально-психологическими и ситуационными. Субъективный опыт переживания доброты и доминирующий режим ее проявления определяют содержание и специфику вербальных референтов.

Библиографический список

1. Селигман М. Новая позитивная психология. М. : София, 2006. 367с.
2. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М. : Смысл ; Альпина нон-фикшн, 2013. 464с.
3. Мордовина Л. В. Природа и сущность доброты // Аналитика культурологии. 2014. № 2 (29). С. 218–224. EDN: TMZKRL
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1999. Т. 1. 622 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1986. 797 с.
6. Палеха Е. С. Концептосфера лексико-семантического поля добра в русском языке // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 193–199. EDN: JWVYSF
7. Усачева О. А. Количественная характеристика качества «доброта» в современном публицистическом дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, № 5. С. 22–31. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.5.22-31>, EDN: ZSVDRD
8. Dossey L. Generosity and kindness in our pandemic era // Explore. 2021. Vol. 17, iss. 2. P. 101–102. <https://doi.org/10.1016/j.explore.2020.12.008>
9. Рахимова А. Э. Бинарная оппозиция «Gutes» («добро») / «Böses» («зло») в современном немецкоязычном художественном дискурсе (на материале романа И. Троянова «Собиратель миров») // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 107–113. EDN: RPKNTP
10. Головановская М. К. Абсолюты в национальных картинах мира: представление французов и русских о добре и зле // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 77–87. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-3-77-87>
11. Brownlie J., Anderson S. Thinking sociologically about kindness: Puncturing the blasé in the ordinary city // Sociology. 2017. Vol. 51, iss. 6. P. 1222–1238. <https://doi.org/10.1177/0038038516661266>
12. Gilbert P., Basran J., MacArthur M., Kirby J. N. Differences in the semantics of prosocial words: An exploration of compassion and kindness // Mindfulness. 2019. Vol. 10. P. 2259–2271. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01191-x>
13. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер с фр. А. Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
14. Фуко М. Говорить правду о самом себе. Лекции, прочитанные в 1982 году в Университете Виктории в Торонто / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Дело, 2021. 336 с.
15. Делурм А. Насколько вы добры? URL: <https://www.psychologies.ru/tests/test/301/?ysclid=lrtszjdjoi887504267> (дата обращения: 31.01.2023).
16. Malti T. Kindness: A perspective from developmental psychology // European Journal of Developmental Psychology. 2020. Vol. 18, iss. 5. P. 629–657. <https://doi.org/10.1080/17405629.2020.1837617>
17. Сапогова Е. Е. «Забота о себе»: автопостроение жизни как смысловой системы // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 3. С. 49–66. EDN: WJBEGH
18. Иванченко Г. В. Забота о себе: История и современность. М. : Смысл, 2009. 303 с.
19. Melamed D., Simpson B., Abernathy J. The robustness of reciprocity: Experimental evidence that each form of reciprocity is robust to the presence of other forms of reciprocity // Science Advances. 2020. Vol. 6, iss. 23. Article number eaba0504. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aba0504>
20. Binfet J.-T. Not-so random acts of kindness: A guide to intentional kindness in the classroom // International Journal of Emotional Education. 2015. Vol. 7, iss. 2. P. 49–62. URL: <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/6905> (дата обращения: 29.07.2023).
21. Binfet J. T., Enns C. Quiet kindness in school: Socially and emotionally sophisticated kindness flying beneath the radar of parents and educators // Journal of Childhood Studies. 2018. Vol. 43, iss. 2. P. 31–45. <https://doi.org/10.18357/jcs.v43i2.18576>

22. Youngs D. E., Yaneva M. A., Canter D. V. Development of a measure of kindness // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 5428–5440. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01882-6>
23. Vergès P. L'Évocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV, № 405. P. 203–209. <https://doi.org/10.3406/bupsy.1992.14128>
24. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. *The Measurement of Meaning*. Urbana-Champaign: University of Illinois Press, 1957. 300 p.
25. Джоунс А., Крэндэлл Р. Краткий индекс самооактуализации. URL: <https://psytests.org/exist/poijc.html> (дата обращения: 10.04.2023).
26. Тест-опросник для диагностики типа поведенческой активности (Л. И. Вассерман, Н. В. Гуменюк). URL: <https://psycabi.net/testy/608-metodika-diagnostiki-tipa-povedencheskoj-aktivnosti-l-i-vassermana-i-n-v-gumenyuka> (дата обращения: 10.04.2023)
27. Andreoni J. Impure altruism and donations to public goods: A theory of warm-glow giving // *The Economic Journal*. 1990. Vol. 100, iss. 401. P. 464–477. <https://doi.org/10.2307/2234133>
28. Konow J. Mixed feelings: Theories and evidence of warm glow and altruism (September 2006). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=980349> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.980349> (дата обращения: 17.06.2023)
29. Evren O., Minardi S. Warm-glow giving and freedom to be selfish // *Ethics eJournal*. 2013. HEC Paris Research Paper No. ECO/SCD-2013-1011. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2347111>. URL: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:58943216> (дата обращения: 09.08.2023).
7. Usacheva O. A. Quantitative description of kindness as a quality in modern journalistic discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 5, pp. 22–31 (in Russian). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.5.22-31>, EDN: ZSVDRD
8. Dossey L. Generosity and kindness in our pandemic era. *Explore*, 2021, vol. 17, iss. 2, pp. 101–102. <https://doi.org/10.1016/j.explore.2020.12.008>
9. Rakhimova A. E. Binary oppositions of “good” and “evil” in the works of modern German writers (based on I. Troyanov’s novel “The collector of the worlds”). *Philology and Culture*, 2013, no. 3 (33), pp. 107–113 (in Russian). EDN: RPKNTP
10. Golovanivskaya M. K. Absolutes in national views of the world: Representations of French people and Russians about Good and evil / right and wrong. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 77–87 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-3-77-87>
11. Brownlie J., Anderson S. Thinking sociologically about kindness: Puncturing the blasé in the ordinary city. *Sociology*, 2017, vol. 51, iss. 6, pp. 1222–1238. <https://doi.org/10.1177/0038038516661266>
12. Gilbert P., Basran J., MacArthur M., Kirby J. N. Differences in the semantics of prosocial words: An exploration of compassion and kindness. *Mindfulness*, 2019, vol. 10, pp. 2259–2271. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01191-x>
13. Foucault M. *L'herméneutique du sujet. Cours au Collège de France (1981–1982)*. Paris, Gallimard, Le Seuil, 2001. 540 p. (Russ. ed.: St. Petersburg, Nauka, 2007. 677 p.).
14. Foucault M. *Dire vrai sur soi-même Conférences prononcées à l'Université Victoria de Toronto, 1982*. Paris, Vrin, 2017. 296 p. (Russ. ed.: Moscow, Delo, 2022. 336 p.).
15. Delurm A. *Naskol'ko vy dobry?* (How kind are you?). Available at: <https://www.psychologies.ru/tests/test/301/?ysclid=lrtszdjoi887504267> (accessed January 31, 2023).
16. Malti T. Kindness: A perspective from developmental psychology. *European Journal of Developmental Psychology*, 2020, vol. 18, iss. 5, pp. 629–657. <https://doi.org/10.1080/17405629.2020.1837617>
17. Sapogova E. E. Care about myself: Autobuilding life as a semantic system. *Herald of Humanitarian Education*, 2015, no. 3, pp. 49–66 (in Russian). EDN: WJBEGH
18. Ivanchenko G. V. *Zabota o sebe: Istoriya sovremennost'* [Self-Care: History and Modernity]. Moscow, Smysl, 2009. 303 p. (in Russian).
19. Melamed D., Simpson B., Abernathy J. The robustness of reciprocity: Experimental evidence that each form of reciprocity is robust to the presence of other forms of reciprocity. *Science Advances*, 2020, vol. 6, iss. 23, article number eaba0504. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aba0504>
20. Binfet J.-T. Not-so random acts of kindness: A guide to intentional kindness in the classroom. *International*

References

1. Seligman M. *Novaya pozitivnaya psikhologiya* [New Positive Psychology]. Moscow, Sofiya, 2006. 367 p. (in Russian).
2. Chiksentmihayi M. *Potok: psikhologiya optimalnogo perezhivaniya* [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Moscow, Smysl, Alpina non-fikshn, 2013. 464 p. (in Russian).
3. Mordovina L. V. The nature and essence of kindness. *Analitika kulturologii* [Analysis of Cultural Studies], 2014, no. 2 (29), pp. 218–224 (in Russian). EDN: TMZKRL
4. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk, 1999. Vol. 1. 622 p. (in Russian).
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language. Ed by N. Yu. Shvedova]. Moscow, Russkiy yazyk, 1986. 797 p. (in Russian).
6. Palekha E. S. Conceptosphere of the lexical-semantic field of good in the Russian language. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 193–199 (in Russian). EDN: JWVYSF

- Journal of Emotional Education*, 2015, vol. 7, iss. 2, pp. 49–62. <https://doi.org/10.18357/jcs.v43i2.18576>
21. Binfet J. T., Enns C. Quiet kindness in school: Socially and emotionally sophisticated kindness flying beneath the radar of parents and educators. *Journal of Childhood Studies*, 2018, vol. 43, iss.2, pp. 31–45. <https://doi.org/10.18357/jcs.v43i2.18576>
22. Youngs D. E., Yaneva M. A., Canter D. V. Development of a measure of kindness. *Current Psychology*, 2023, vol. 42, pp. 5428–5440. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01882-6>
23. Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau centra l'd'unereprésentation. *Bulletin de psychologie*, 1992, vol. XLV, no. 405, pp. 203–209. <https://doi.org/10.3406/bupsy.1992.14128>
24. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. *The Measurement of Meaning*. Urbana-Champaign, University of Illinois Press, 1957. 300 p.
25. Jones A., Crandall R. *Short Index of Self-Actualization*. Available at: <https://psytests.org/exist/poijc.html> (accessed April 10, 2023).
26. A test questionnaire for diagnosing the type of behavioral activity (L. I. Vasserman, N. V. Gumennyuk). Available at: <https://psycabi.net/testy/608-metodika-diaagnostiki-tipa-povedencheskoj-aktivnosti-i-vassermana-i-n-v-gumenyuka> (accessed April 10, 2023).
27. Andreoni J. Impure altruism and donations to public goods: A theory of warm-glow giving. *The Economic Journal*, 1990, vol. 100, iss. 401, pp. 464–477. <https://doi.org/10.2307/2234133>
28. Konow J. *Mixed feelings: Theories and evidence of warm glow and altruism (September 2006)*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=980349> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.980349> (accessed June 17, 2023).
29. Evren O., Minardi S. Warm-glow giving and freedom to be selfish. *Ethics eJournal*, 2013, HEC Paris Research Paper No. ECO/SCD-2013-1011. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2347111>. Available at: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:58943216> (accessed August 9, 2023).

Поступила в редакцию 17.09.2023; одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 15.11.2023
The article was submitted 17.09.2023; approved after reviewing 28.10.2023; accepted for publication 15.11.2023